

СЕКС? ДЕНЬГИ?

На бакале!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ШАРЛИЗ ШЕЛДОН

18+

Из 90-х до наших дней

Шарлиз Шелдон

Секс? Деньги? Любовь!

«Автор»

2023

Шарлиз Шелдон

Секс? Деньги? Любовь! / Шарлиз Шелдон — «Автор»,
2023 — (Из 90-х до наших дней)

Москва, 1998 год. Люба приехала из деревни в столицу поступать в театральный вуз, но на долю девушки выпадают испытания, любовь и предательство, из-за которых она оказывается пленницей в борделе. После всех пережитых ужасов она могла сдаться, опустить руки, но решила еще раз попробовать вернуть себе свою жизнь. Будет ли она действовать в одиночку, или один из клиентов, протянет ей руку помощи? А что, если их будет двое? Такие разные, непохожие. Первый - влиятельный бизнесмен, а второй - криминальный авторитет. И между ними давняя вражда. Ей бы выжить, а не мечтать о новой любви с одним из них...

© Шарлиз Шелдон, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	15
Глава 4.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шарлиз Шелдон

Секс? Деньги? Любовь!

Глава 1.

1988 год, Рязанская область, деревня N.

Я сидела на полу перед телевизором и с восторгом смотрела, как на экране с трепетом в голосе от нахлынувших чувств пела российская Мадонна – Алла Пугачева. Ей подпевал Владимир Кузьмин. На сцене они смотрелись красиво, ярко и броско. Казалось, что эти двое растворяются друг в друге от любви.

Это завораживало меня и заставляло мечтать, что когда-нибудь я тоже буду вот так же петь со сцены. Мне будут аплодировать и дарить шикарные цветы. Люди станут скандировать мое имя и дожидаться после концерта, чтобы получить автограф.

А пока я подпевала им и не замечала ничего вокруг:

– *«Этот счастливый праздник паденья*

Головы им вскружил.

Только вернуться снова на небо

Не было больше сил.

Две звезды – две светлых повести,

В своей любви, как в невесо-о-о-о-омости», – от души пропела, жестикулируя руками.

– Кузьминишна, – одна из старух, сидящих на высокой старой кровати, ткнула в бок мою бабушку, – Твоя-то, небось, артисткой будет. Вон, как выпевает. Не хуже самой Пугачевой.

– Ай, – отмахнулась от знакомой пожилая женщина, – Что ты глупости, Клавка, несешь! Какие артистки? Тут дай, Боже, сил, чтобы вырастить ее, поставить на ноги, да дать в руки хлебную профессию. А потом уже пусть хоть в артистки, хоть в артиллеристки идет.

– Ну как же? Вот Пугачева деньги загребает лопатой, и Любка твоя будет так же, – включилась в разговор третья старушка.

– Не забивайте ребенку голову вашими глупостями! – разозлилась бабушка, – Пусть школу закончит, да в училище пойдет. Парикмахером будет или швеей. Всегда заработает себе на кусок хлеба с маслом и сыром.

– А я все равно, бабушка, стану актрисой. Или певицей, – я обернулась и показала им язык, – Буду разъезжать по заграницам и ходить по красной дорожке. А ты будешь везде меня сопровождать.

– Дитятко ты мое, еще не разумное, – бабушка изо всех сил постаралась сдержать слезы, – Конечно, я всегда буду с тобой рядом. Единственная радость – это ты у меня осталась.

– Ну, хватит, Ефросинья, хватит, – погладила ее по плечу подруга, – Не разводи при ребенке сырость. Твою дочь с зятем уже не вернуть.

– Любаша, сходи в огород, нарви малины и черной смородины, – попросила меня другая старушка, видя, что Ефросинью охватывают очередные рыдания.

Я послушно поднялась с пола, вышла из ветхого деревянного дома на улицу и весело прыгнула с крыльца. Моя жизнь была прекрасна тогда. Никаких забот и печалей. Семь лет – это чудесный возраст, когда можно наслаждаться жизнью. Вот только... последнее время происходило что-то странное, чему я не могла найти объяснений.

Родители каждое лето отправляли меня к бабушке, пока сами разъезжали по экспедициям. Вот и в этот раз я очутилась в любимой деревне под Рязанской областью. Маленькое село, расположившееся, как и другие, вдоль основной трассы. Чтобы доехать до райцентра – небольшого городка нужно было час трястись в старом душном автобусе.

И этим летом я с удовольствием приехала к бабушке, ожидая, как мы с ней будем ходить на речку, собирать в лесу ягоды, но вместо этого...

Я оказалась еще слишком мала, чтобы осознать, почему моя бабушка стала так часто плакать, перечитывая официальное письмо с пометкой «КГБ». Сначала в доме появились какие-то незнакомые люди в деловых костюмах, а после любимая бабуля слегла с сердцем. Помогали ей прийти в себя всей деревней.

С тех пор в нашем доме, уже с месяц как, почти поселились две лучшие бабушкины подруги, помогая по хозяйству и приглядывая за мной.

На мои вопросы о том, что случилось, пожилые женщины, утирая слезы, всегда говорили, что все хорошо или уходили от ответа. Поэтому правду я узнала чуть позже, когда стала немного старше.

А в деревне для ребенка не жизнь была, а раздолье. Хочешь, гоняй кур с соседскими мальчуганами, а хочешь, исследуй запрещенный берег реки с теми же мальчишками. Занятие всегда найдется.

Я отрывалась, как могла, не желая возвращаться в Москву. Бегала по лесу, срывая ягоды, в тайне купалась в речке, но самым излюбленным было встать возле сарая на пень, взять в руки палку и петь во весь голос, распугивая скотину. Я закрывала глаза и представляла, что стою на сцене, а передо мной огромный зал со зрителями. Мне громко аплодируют, просят на бис и дарят охапки цветов.

Я была уверена в своем таланте, ведь родители и бабушка с подругами восхищенно ахали, заслушиваясь моим пением. Они всегда поощряли мои «выступления» и в конце старались угостить вкусной шоколадной конфетой.

Но помимо музыкальной карьеры, я всерьез грезилась сниматься в кино, как гениальная Наталья Варлей. На это можно сказать лишь то, что мало кто в семилетнем возрасте точно представляет, кем хочет быть. Мне хотелось славы и известности.

Но у моей судьбы были свои планы...

Глава 2.

1998 год. Поступление в театральный вуз.

– Не пущу! – кричала моя бабушка, – Любка, чего ты в этой Москве не видела?

– Бабуль, – я в сотый раз взялась объяснять ей, – Я туда хочу поехать не на гулянки, а на учебу. Поступлю в ГИТИС или Щуку. Я хочу стать актрисой!

– Актрисой она станет, как же! Держи карман шире! Там таких, как ты, наивных дурочек, сотни в очереди стоят.

– Я все равно поеду, уж не буду в парикмахерское училище поступать.

– А могла бы, – пожилая женщина шутливо замахнулась рукой, – Чем не профессия? И ездить никуда не надо. Сердце мое хоть за тебя не будет так переживать. Всегда рядом будешь, под присмотром. Работать потом устроишься в районный центр.

– За три копейки в месяц? Много я парикмахером настригу, баб? Я жить хочу, понимаешь? Жить, а не выживать в деревне этой!

– Жить она хочет, – ворчливо передразнила меня бабушка, – А чего ж училась-то через пень колоду? Кто виноват, что с твоими знаниями, только в ПТУ и идти?

– Ой, баб, прекрати. Зато я лучшая в нашем театральном кружке! Могу сыграть Катерину из Островского с закрытыми глазами.

– Дурочка, – ласково произнесла бабушка, – Провалишься на своих этих вступительных, а потом год потеряешь. Что делать станешь?

Такие разговоры в нашем с бабулей доме последнее время проходили регулярно. Я закончила школу с половиной троек в аттестате. Мне просто было не интересно учиться.

Для себя я находила этому объяснение, что после смерти родителей мне пришлось остаться в деревне под Рязанской областью у бабушки. Она перевела меня в сельскую школу, и как могла пыталась растить одна на крохотную пенсию.

Моими родителями были археологи, работающие на секретных раскопках нашей необъятной страны. Они уже давно находились под патронажем КГБ, и когда я родилась, родителям временно выделили ведомственную квартиру.

Так получилось, что в очередной своей экспедиции, они погибли. Произошел обвал грунта, в результате которого под землей скрылась вся их команда. Спасти никого не удалось, к сожалению.

После случившегося квартиру в короткий срок отобрали, и мы с бабушкой уехали обратно к ней под Рязань. Делу о гибели археологов был присвоен гриф «секретно» и за нами первое время даже присматривали (следили) агенты КГБ. Бабушка после этого сильно сдала и ходила везде, оглядываясь и боясь сболтнуть лишнее.

Я училась вместе с деревенскими ребятами и очень скучала по своим московским друзьям. Здесь мне все не нравилось. Первое время закатывала бабушке истерики, не понимая, что своим поведением ухудшаю ее состояние.

Спустя пару лет до меня дошло, что она – единственный родной и любимый человек, оставшийся в моей жизни. С тех пор я была всегда добра с ней и старалась слушаться. Вот только интереса к знаниям не было ни малейшего.

Когда я была в пятом классе, в нашу школу из Москвы откомандировали Наталью Николаевну. Она стала нашим новым учителем по литературе. По ее инициативе вскоре открылся театральный кружок, куда я с радостью и вступила.

Женщина старалась приобщить нас к искусству вместо того, чтобы мы околачивались по улицам после уроков. И стоит заметить, что ей это удалось. Почти все ребята нашей школы охотно принимали участие в сценках и постановках.

Те, кто не прошел отбор на ту или иную самодеятельность, любили наблюдать за репетициями и выступлениями. К моему одиннадцатому классу вся молодежь нашей и соседних деревень забыли про алкогольные посиделки и прочие хулиганства. Их родители всерьез молились на Наталью Николаевну.

Я всегда старалась выступать с душой. Неважно, что это школьная сцена в обшарпанном актовом зале. Я знала, что когда-нибудь окажусь в съемочном павильоне под светом софитов.

Для этого у меня есть все данные. Красивая и яркая внешность, которая с возрастом станет еще более интересной. Сильный мелодичный голос. И артистизм с харизмой.

Об этом мне говорили все, начиная от бабушки и заканчивая Натальей Николаевной. Она даже пару раз обещала связаться со своими друзьями в приемной комиссии театральных вузов. Я слушала ее и млела от открывающихся перспектив.

В апреле этого года я ездила в Москву на разведку. Хотела заранее узнать, какие отборочные туры мне предстоит пройти. Не увидев в них ничего сложного, обрадовалась.

Первым туром следовало представить прозу или басню с монологом. Я выбрала свою любимую партию Джульетты к Ромео. Мне казалось это оригинальным и неизбитым.

Вторым туром шло актерское мастерство, где надлежало исполнить любой этюд. Вполне могло оказаться, что мастера приемной комиссии сами попросят меня что-нибудь изобразить. Для них я заготовила свой фирменный номер «Девушка, встречающая солдата». В нашем кружке он всегда собирал бурю аплодисментов.

И третье, самое простое, собеседование с мастером актерского искусства.

Я уже видела себя в рядах счастливых студентов ГИТИСа или Щукинского института.

Однако моей бабушке это очень не нравилось. Она не верила, что я могу своими силами поступить на бюджетное отделение. А платить нам было нечем, поэтому в случае неудачи мне придется успеть поступить в местное ПТУ.

Я люблю свою бабулю, но упускать шанс выбиться в люди, не буду.

* * *

В июле 98-ого года я все-таки, с позволения своей бабушки, отправилась штурмовать приемные комиссии.

Она собрала мне в дорогу 800 рублей. Для нас эта сумма была очень крупной, учитывая, что ее пенсия была всего 400 целковых в месяц.

– Люб, возьми вот с собой, – бабушка завернула в носовой платок сложенную пачку денег, – Тебе там месяц где-то нужно будет жить, а в столице цены то какие! Спрячь только подальше, чтобы не украли.

– Оставь себе, бабуль. Спрячь лучше обратно в банки с крупами. Я возьму рублей двести максимум, мне этого хватит на две недели.

– Я сказала, возьми, – рассердилась женщина, – Вдруг, что случится там, а ты без копейки в кармане в чужом городе.

Я благодарно обняла свою сухонькую бабушку и смачно поцеловала ее в щеку.

– Все взяла с собой? – она вопрошающе кивнула на мой потертый чемодан.

– Ну, пару платьев, белье, курточку, туфельки, – перечисляла я.

– А то платьишко в горошек, что я сшила тебе?

– Конечно! Я в нем и планирую выступать перед комиссией.

Почти все мои вещи были сшиты бабушкой. Она мастерски управлялась с иглой и всегда хотела, чтобы я была красиво одета. Были в моем гардеробе и покупные вещи, но многие из них уже давно вышли из моды. Они словно несли впереди себя клеймо «Колхоз».

– Пусть тебя хранит Господь, – она перекрестила меня.

* * *

Когда я ехала в трясущемся автобусе до автовокзала Москвы, я грезилась, как буду сниматься в кино, еще учась в институте. Мой талант должны были заметить все.

А вообще, сейчас время такое, когда можно взлететь за пару дней на звездный небосклон. Главное удачно найти режиссера или продюсера. Ведь я могу не только играть в театре, в кино, но и петь!

Москва – это город возможностей. Если есть все данные и в коей-то мере повезло, то тебя должны заметить. Я искренне так считала, когда спускала свой чемодан по ступенькам автобуса.

Мне предстояло доехать до городского общежития, где массово селились абитуриенты из регионов.

Я все-таки отвыкла от московского ритма жизни. Уже в метро, в самый вечерний час пик, ошалело вертела головой, крепче прижимая к себе чемодан. Повсюду мне мерещились охотники за моим добром.

Благополучно добравшись до общежития, заселилась и оплатила проживание на две недели. За крышу над головой пришлось отдать сто рублей. Грабительские расценки!

Меня поселили с веселой болтушкой Лидочкой. Она приехала покорять МГУ из Украины. У себя в Харькове Лида закончила школу с золотой медалью и старательно подготавливалась к репетиторами к вступительным экзаменам.

Мы разговорились с ней и довольно быстро нашли общий язык. Так как заселились мы почти одновременно, то пошли вдвоем обследовать общие места: душевые, санузел и кухню.

На кухне сидело несколько человек, которые нас поприветствовали и угостили чаем с печеньем. Ребята рассказали, где лучше покупать продукты, и мы с Лидой решили на следующее утро сходить на рынок. Питаться то чем-то надо эти две недели.

Уже на следующее утро мы бродили среди прилавков. Это была стихийная толкучка, где каждый торговал тем, что сумел найти дома. На расстеленных газетах, прямо на асфальте, пожилые люди продавали фарфоровые статуэтки, часы, книги, валенки, консервы и многое другое. Все пытались хоть как-то выжить после дефолта.

Дойдя до специальных продуктовых прилавков, за которым стояли бойкие женщины, мы с Лидой выпали в осадок. Если в нашей деревне у знакомой бабушки можно было купить килограмм творога за шесть рублей, то здесь вынь да положь тридцатник! С такими ценами мой запас финансов быстро растворится.

Лидочка тоже взирала на этот беспредел с ужасом в глазах. У нее с собой была еще меньшая сумма, чем у меня.

Решив особо не шиковать, мы закупили крупы и консервы. Не забыли взять и чего-нибудь к чаю в виде сушек и печенья.

Уже в нашей комнате я продемонстрировала ей свои заготовленные номера для приемной комиссии. Девушка с восторгом наблюдала за мной и приговаривала:

– Ну, ты просто прима, Любка! Такое талантище. Правильно сделала, что приехала в театральный поступать. Кончаловский или Балабанов тебя с руками оторвут в свои фильмы.

– А я еще подумаю, идти к ним или нет, – я улыбалась и тоже в это верила. По-другому и быть не могло.

* * *

У меня в руках было расписание отборочных туров в двух институтах. Сегодня мне предстоит покорять ГИТИС.

Через три часа буду читать свой отрывок перед маститыми деятелями театра.

Я нервничала и заикалась. Еще никогда не испытывала такой мандраж перед выступлением. От того, как я себя покажу, зависит останусь ли я в Москве или придется возвращаться к бабуле под крыло, а там и парикмахерский ПТУ замаячит на горизонте.

Передернувшись при мысли о чужих прическах, я старательно повторяла в голове текст, который знала уже наизусть.

– Да что ты трясешься, как цуцик? Из-за тебя вон чай на столе разлился, – Лида показала на мокрые пятна на протертой клеенке.

– Волнуюсь, – честно ответила я, – Вроде все знаю, все помню, но ощущение, будто ни черта не помню.

– Это нормально, – усмехнулась Лида, – Было бы хуже, если ты была во всем абсолютно уверена и ни о чем не переживала.

– Почему хуже то? – с недоверием гляжу на нее.

– Да потому! Сейчас ты нервничаешь, и твой мозг максимально сконцентрирован. В нужный момент на экзамене он с легкостью подкинет тебе ответ или решение, как сделать. Так?

– Предположим, – согласилась я.

– А теперь представь, что ты расслаблена и ни о чем не беспокоишься. А тут внезапно наступает критический момент, но твой мозг продолжает оставаться в нирване. Так что радуйся!

– Чепуха какая-то, – пробурчала я, громко прихлебывая горячий чай.

– Не чепуха, а исследования британских ученых!

– Где мы, а где британские ученые, – я рассмеялась, – У нас по определению вся жизнь – это стресс и критический момент.

Лида надулась и продолжила уплетать бутерброд из хлеба и консервы. А что? Дешево, сытно и сытно!

* * *

Наступил ответственный момент. Мою фамилию и имя должны выкрикнуть следующими, как раз после выступления худощавого паренька.

Мне вспоминались утренние слова Лиды про стресс и внезапное озарение. Сейчас как раз тот самый момент, когда на меня должно снизойти вдохновение и весь мой талант.

– Ковальчук Люба, – громко выкрикнул секретарь приемной комиссии, – Давай, проходи.

На негнущихся, словно деревянных ногах, я вышла на сцену. Передо мной сидело четверо уважаемых мастеров и одна незнакомая женщина, скорее всего кто-то из канцелярии.

– Девушка, не задерживайте нас, – раздраженно сказал один из них.

– Меня зовут Ковальчук Любовь Андреевна. Я...

– Мы знаем, как вас зовут, – снисходительно перебил меня мужчина, – Что читать будете?

– Шекспир, отрывок Джульетты к Ромео.

– Начинайте скорее, – поторопил мастер.

– *«Мое лицо спасает темнота,*

А то б я, знаешь, со стыда сгорела,

Что ты узнал так много обо мне.

Хотела б я восстановить приличие,

Да поздно, притворяться ни к чему.

Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,

Что скажешь да...»

– Спасибо нам достаточно. Что еще есть? – пылливо глянул на меня мастер.

А дальше пошел прогон по басням, стихам и отрывкам из пьес. Было видно, что комиссия сомневается на счет меня, но что-то их все же привлекло.

– Спасибо, вы свободны. Посмотрите потом списки после прослушивания.

Я быстро ретировалась со сцены, смахивая со лба пот. На дальних рядах сидели такие же, как я бедняги, ожидающие своего результата. Присоединилась к ним и еще два часа провела, как на иголках.

По завершению всех прослушиваний мы покинули зал и столпились у двери, ожидая пока вывесят фамилии счастливиц.

И вот из приоткрытой двери вышла присутствовавшая в комиссии женщина. Она окинула нас строгим взглядом, будто хотела отдать команду «Сидеть на месте!» и намеренно медленно приклеила два листа. Стоило ей скрыться за дверью, как мы ватагой бросились к результатам.

Сквозь толпу ребят и девчонок я с трудом смогла разглядеть столбец с надписью «Проходят в следующий тур».

Вокруг меня творилось что-то невообразимое. Кто-то рыдал навзрыд, а кто-то прыгал от радости. Я дождалась, пока хоть немного схлынет первая волна столпившихся, и активно работая локтями, пробралась еще ближе.

Свою фамилию я нашла последней в списке тех, кто прошел на следующий этап отбора!

* * *

Радостная я забежала на почту, чтобы позвонить бабушке в деревню. У нее телефона дома не было, но главное дозвониться до тети Клавы, бабушкиной подруги.

Пока оператор в третий раз набирала номер, меня трясло от радости и желания ей поделиться.

– Девушка, ну очередь не резиновая! – гнусаво протянула очень полная женщина со смешной химией на голове, делавшей ее похожей на растрепанного пуделя. Она стояла за мной и обмахивалась газетой, пока по ее вискам и шее тек пот.

– Я заплатила и мне нужно дозвониться домой, – миролюбиво ответила ей, – Сейчас освободится другое окно.

– Понаприезжают в Москву, потом из-за вас везде очереди. Куда ни пойдешь – везде толпы из лимиты, – скривив нос, сказала она, поглядывая мое простенькое платье.

– С чего вы взяли, что я лимита приезжая? Я родилась в семье коренных москвичей, в отличие от таких клуш, как вы, которые приезжают сюда по молодости, в надежде выскочить хоть за кого-нибудь замуж, – обожгла ее высокомерным взглядом.

– Ах ты, мерзавка малолетняя, – взвизгнула оскорбленная женщина, – Нет, ну вы все слышали, как она меня обозвала клушей?

Я хмыкнула и продолжила дальше стоять в очереди. У меня тоже есть зубы, которыми я могу укунить обидчика!

Телефонистка сказала, что трубку никто не снимает. Наверное, тетя Клава, как всегда, у бабушки дома. Схожу еще раз вечером на почту.

Я ехала в общежитие и пристально разглядывала себя в отражении стеклянных дверей вагона метро.

Платице в горошек, сшитое бабушкой, красиво облегло фигуру, подчеркивая все необходимые выпуклости и изгибы. Накрахмаленный воротник выгодно открывал тонкую и длинную шею. Стандартная длина по колено. Что во мне могло напоминать приезжую лимиту?

На прослушивание в институт я не делала себе боевой раскрас индейцев, зная, что мастерам может не понравиться заштукатуренное лицо. Мне девочки говорили, что нужно показать себя в естественной красоте.

Перебирая в голове возможные варианты своего скудного гардероба, я затосковала и окинула пассажиров взглядом.

Молодые женщины все с высокими пышными прическами. Почти каждая в джинсе, либо штаны, либо юбка. У меня не было джинс, потому что на нашем рынке они стоили чуть ли не всю бабушкину пенсию.

Девушки в вагоне держали в руках аккуратные сумочки или ридикюльчики. Перевела взгляд на свою потрескавшуюся и плешистую сумку, и окончательно загрузила.

Да, выгляжу аккуратно и чисто, но по мне за версту видно, что я не «столичная штучка». Ладно, все еще впереди! Вот поступлю в институт, начну работать и куплю себе и джинсы, и модные костюмы, и сапоги с сумкой из настоящей кожи.

* * *

– Лидочка, а не съездить ли нам на рынок? Хочу посмотреть московские цены на одежду.

– Нам по-любому не по карману, – мрачно ответила соседка, не отрывая головы от учебника, – Денег на еду может не хватить, а ты хочешь по вещевому рынку таскаться, – с укором добавила она.

– Много жрать вредно, а так будешь со стройной талией и попой в красивых джинсах, – не менее мрачно ответила я, понимая, что Лида права.

– Да дались тебе эти джинсы, – возмутилась девушка, – У тебя их никогда не было что ли?

– Представь себе, ни разу за всю жизнь. А сейчас проехала в метро, посмотрела на московских девушек и прям загорелась идеей пойти на второй тур в джинсах. По одежке встречают, а я в своих деревенских нарядах!

– Мне это твое платье нравится, – пожала плечами Лида, – Ты в нем такая элегантная и утонченная.

– Бабушка сама шила.

– А так и не скажешь, – улыбнулась соседка, – Если ты хочешь, могу тебе просто составить компанию завтра. У меня будет свободный день.

– Давай, – обрадовалась я, – Мне так вообще, только через два дня на второй тур.

– Вот с утра пораньше и поедем, чтобы к одиннадцати уже вернуться в общагу.

Сказано – сделано. В девять часов утра мы тряслись в душном автобусе на Щелковском шоссе. Опять же ребята из общаги подсказали, что недорого приодеться можно на Черкизовском рынке, куда мы и приехали.

Нас окружала такая толпа народа, что в первые минуты, я не могла понять, где мы оказались. Мимо пробегали таджики, везя за собой тележку с товаром втрое больше его самого. Со всех сторон слышался зазывной клич продавцов.

Уже в первом павильоне я увидела то, что хотела. Красивый джинсовый костюм из юбки и жилетки. Я представила себя в нем на сцене и тут же захотела его примерить.

– Сколько стоит вон тот костюмчик? – все же решила сначала спросить цену у продавца восточной наружности.

– Милая, тебе за шесть сотен отдам. Турция, не самопал подвальный! – с гордостью ответил мужчина.

– Э-э-эм, спасибо, мы еще походим. Попозже вернемся, – я взяла Лиду под руку и быстро отошла от продавца.

– Ну и цены, – осуждающе произнесла девушка, – Турция – не Турция, какая разница? Тебе нужно дешево и красиво, ну и пусть будет самопал китайский!

– Я думаю, мы найдем, – обнадеживающе сказала я, – Такой огромный рынок! Здесь государство в государстве, не иначе.

– Еще бы, самый крупный рынок в Москве, – усмехнулась Лида, – Представляешь, сколько бабок здесь крутится?

– Даже подумать страшно, но я бы не отказалась от маленькой части этих денег, – улыбнулась я.

– А какой дурак отказался бы? – с грустью выдохнула соседка.

Мы проходили по рядам еще два часа, но, к сожалению, так и не нашли мне обновки по бюджету. Попадались вполне сносные вещи в пределах сотни рублей, но мне они не нравились. Та же одежда, которая была мне по душе, стоила непомерно дороже, чем я могла бы заплатить.

– Будешь, Любка, в своем платье в горох сдавать второй тур! – махнула рукой Лида, – Поехали домой, итак, колобродили два часа впустую.

– Зато теперь будем знать, что сколько стоит, – расстроено проговорила я, – С первой же зарплаты куплю себе новой одежды! Тут столько красивых вещей, что теперь даже стыдно доставать свои из чемодана.

– Эй, красавицы, – гнусавым голосом произнес кто-то за спиной.

Не успели мы обернуться, как нас с Лидой приобнял за плечи какой-то бугай с лицом глупой обезьяны.

– Могу подкинуть вам денюжат, – кося одним глазом в сторону, проговорил мужчина.

Мы с Лидой одновременно скинули его руки с себя. Не смотря, на жаркую солнечную погоду, он был одет в спортивный костюм с застегнутой наглухо курткой, под которой угадывалась напоясная сумка.

– Не надо нам ничего от вас. Пойдем, Любка.

– Ну как же? Я слышал деньги тебе нужны на новое шмотье... Хочешь их быстро заработать или выиграть? – в упор глянул на меня «обезьяна».

– Выиграть? Это как? – мне стало любопытно.

– Да что ты его слушаешь? Пойдем, а то совсем без денег останешься. Не видишь что ли, это разводилы.

– Ты бы помолчала, если не разбираешься, – исподлобья глянул на Лиду мужчина, – А, ты, можешь легко выиграть деньги за пять минут. Вон у того здания проходит партия «болгарского лото». Всего-то надо угадать под каким стаканом шарик. При тебе наш ведущий кладет шар на стол, накрывает стаканом и перемешивает. Тебе нужно наблюдать, а потом правильно указать на стакан. Ничего сложного. Ну что, сыграешь? – мужчина попытался улыбнуться, но вышло немного пугающе.

В этот момент Лида не выдержала. Она закатила глаза и с силой утащила меня от этого места.

– Можно и без угадаек. Хочешь двадцать баксов за полчаса? – крикнул нам вслед бугай.

– Двадцать баксов?! Что он предлагает?! – в изумлении посмотрела на подругу, тянущую меня на выход.

– Ноги раздвинуть, – рывкнула взбешенная Лида.

– Господи, – ахнула я, – Это у них такие расценки? Это же... это... За полчаса бабушкина пенсия. Но все равно, это так мерзко, фу, – передернулась я.

– Ну ты, как малое дитя, – выговаривала она мне уже в автобусе, – Словно вчера родилась! Он стоит лапшу тебе на уши вешает, а ты слушаешь, раскрыв рот! Это же наперсточники, кидалы. Еще и сутенеры, вербующие девушек.

– И откуда я могла это знать? У нас таких мошенников в деревне отродясь не было.

– Правильно, там местные таким быстро пятак начистят и в реку скинут. А здесь в столице у них все схвачено. Милиция их же и прикрывает.

– Ты вообще, откуда все это знаешь? – подозрительно кошусь на нее, – Сама здесь без году неделя, а уже разбирается в видах мошенничества.

– Газеты надо читать! Умные люди оттуда узнают все новости, – огрызнулась Лида.

– Ладно, не дуйся. Зато какое приключение.

– Да уж! Больше я с тобой дальше продуктового никуда не пойду.

* * *

– Ковальчук! Где Ковальчук? – кричала секретарь приемной комиссии.

– Я здесь! Бегу! – вбегаю в зал, где проходит наш второй тур, и пытаюсь отдышаться, выравнивая дыхание.

Все-таки бег на каблуках – так себе занятие. Кто же знал, что сегодня не мой день?

С утра уютно спалила бабушкино платье. Пришлось в темпе вальса думать, чем бы заменить так, чтобы подошло к моему этюду. В итоге взяла в займы у Лиды платье ярко-канареечного оттенка с большими рукавами фонарем. На груди у него было объемное не отстёгивающееся жабо. В этом платье было не видно меня, я в нем терялась, но надевать свое скромное темно-синее, я не решилась, думая, что встречаются по одежке.

Потом, когда я такая нарядная вошла в автобус, тот решил через десять минут сломаться. Старенький дрожащий ЛиАЗ отфыркивался и устало чихал, не желая ехать дальше. Мне бы уже тогда выйти, да спокойно дойти до метро, но нет, я решила ждать, пока водитель реанимирует транспорт. Это было моей ошибкой.

– Любовь, вы явно не хотите нас сегодня порадовать своим этюдом, – недовольно прищурился один из театральных мастеров, окидывая меня критичным взглядом.

– Очень хочу, – я заверила маэстро, восходя на сцену.

Полминуты ушло, чтобы настроиться и принять нужную позу. Я, как и хотела ранее, решила показать миниатюру «Девушка, встречающая солдата».

В самый разгар моего номера, раздался голос из жюри:

– Ну что за сельские кривляния? Вы вообще готовились? Остановитесь, хватит.

Я испуганно замерла, не понимая, что им могло не понравиться. Этот номер в нашем кружке всегда заходил на ура.

– Давайте еще что-нибудь, – предложил седовласый мужчина.

Порывшись в памяти, вспомнила этюд, где женщина читает записку от ушедшего от нее мужа. Приступив к сценке, скоро была так же остановлена недовольным окриком:

– Ну, вы над нами издеваетесь! Ковальчук, мы на вас столько времени уже потратили, а вы какую-то дешевую самодеятельность разыгрываете. Где ваши эмоции? Разве так убивается страдающая женщина?

– Каждая по-разному будет убиваться, – возразила я, оскорбленная таким пренебрежением.

– Вы еще поспорьте с нами, – однозначно члены жюри были сегодня не в духе, вымещая на мне свое плохое настроение, – Есть что еще показать? Последний шанс даем вам.

– Неудачное свидание, – я прибегла к своему нелюбимому номеру, на что опять получила едкий комментарий.

– Настоящему таланту не требуется объявлять свою сценку. Игра актера должна сама раскрывать сюжет, – проскрипела женщина со смешной бабеттой на голове.

Мне пришлось лишь сильнее стиснуть зубы, чтобы не высказать всего, что думаю об этом жюри.

Я изображала волнующуюся девушку, что вглядывалась в лица прохожих, выискивая своего запоздавшего кавалера. Она стояла на оставновке и вот пошел холодный морозящий дождь. Девушка куталась в воротник пальто, когда...

– Хватит, – остановил меня один из мужчин жюри, – Нам достаточно. Результаты увидите в конце прослушивания.

Оставшиеся четыре часа до оглашения списков везунчиков, я провела, как на иголках.

Все та же дама секретарь с поджатыми губами вывесила на информационную доску два листа. Успокаивая бешено-стучащееся сердце, я на ватных ногах добралась до списка.

Несколько раз я пересматривала лист, где были выписаны фамилии тех, кто успешно прошел в следующий тур. Из сорока пяти абитуриентов, я нигде не упоминалась. Решив, что это ошибка, пробежалась взглядом по тем, кто выбыл. К огромному сожалению, моя фамилия была второй в этом перечне.

Я провалилась и в ГИТИСе. Теперь можно спокойно собирать чемодан и готовить документы в парикмахерское училище.

Глава 3.

Трагедия дома.

Я плелась в общежитие, сгорбившись в три погибели. У меня было ужасное распухшее от слез лицо. Я дала волю своим эмоциям в кабинке туалета института. Слезы безостановочно лились, не давая мне возможности прийти в себя.

На тот момент казалось, что моя жизнь окончена, и теперь мне предстоит влачить жалкое существование в деревне, подстригая чужие шевелюры.

– И что ты рыдаешь, дурочка? – раздался чей-то голос от входа, – На весь этаж твои завывания слышны.

– Не поступи-и-и-ла, – заикаясь, провыла я.

– Ну не поступила в этом году, поступишь в следующем! – произнесла вошедшая девушка, – Ты хоть представляешь, сколько нынче известных актрис проваливались и поступали лишь со второго, третьего, четвертого и пятого раза?! А тут ты такая приехала из своей глуши, и думала, что тебя возьмут с первого раза?

– Конечно, я ведь готовилась! А в нашем театральном кружке, так вообще была лу-у-учшей.

– Забудь, – махнула рукой симпатичная блондинка, – То, что в вашем Урюпинске ты была местной примой, не значит, что здесь ею же и останешься. В Москве и без тебя талантов хоть ложкой ешь. Я вот уже третий раз пробуюсь, и снова провалилась на этюде! Хотя, на минуточку, я весь год занималась с преподавателем, чтобы сюда поступить.

– Все равно обидно, – шмыгнула я носом, – Мне теперь придется возвращаться в свою деревню, а там бабушка будет настаивать, чтобы я поступала в парикмахерское училище.

– Меня, кстати, Лена зовут, – представилась девушка, – Так не возвращайся в свою деревню. Скажи бабушке, что поступила, а сама найди в Москве работу, найми себе театрального педагога и готовься к поступлению в следующем году.

От удивления я раскрыла рот, уставившись на новую знакомую.

– Ты и дальше будешь рыдать здесь, или пойдем в столовку пить чай с булочкой? – хитро спросила Лена.

– Пойдем, – покорно согласилась я, сгребая свою сумку с раковины.

Признаюсь честно, мне было жутко любопытно пораспрашивать эту неунывающую после третьего провала девушку.

Купив себе по стакану сладкого чай и ромовую бабу, мы присели за стол.

– А кем ты работаешь? Ты ведь, получается, тоже после школы, без высшего образования?

– Да, я сюда приехала из Суздаля, сразу после школы. Провалившись, тоже думала, что придется возвращаться домой, к матери помогать коров доить. Однако, умные люди надоумили поступить так, как я тебе рассказала. Теперь днем я работаю продавщицей на вещевом рынке, вечером иногда подрабатываю на разных халтурках, а по выходным занимаюсь с преподавателем. Вот сейчас после провала, наверное, буду искать другого... Или попробую платно пристроиться в театральную студию при институте.

– И много ты на рынке получаешь? Мы тут с соседкой были на Черкизовском. Цены просто неподъемные.

– Вот там я и работаю. Получка зависит от того, сколько продашь, – резонно отметила Лена, – С каждой шмотки – десять-пятнадцать процентов твои.

– Такие деньжищи?!

– Ну, слушай... не так уж много это и выходит. В день от полтинника до сотни может и получиться, если народ хорошо прёт. Иногда бывает полный голяк. Один несчастный червонец умудряешься в карман положить и все.

– А где ты живешь? Снимаешь квартиру?

– Комнату, – скривилась знакомая, – Квартира дороговато выходит, если жить одной. А так я снимаю у одной бабулениии просторную комнатушку за две сотни.

Чем дольше мы с Леной болтали, тем больше я задумывалась, чтобы поступить так, как рассказала девушка. Глядя на нее, я подмечала, что у новой знакомой красивые и дорогие вещи. В ушах золотые сережки, а на пальчиках нанизаны кольца с драгоценными камнями. Наверное, она действительно хорошо получает, работая на рынке?

Было страшно принять настолько ответственное решение...

Сегодня я обещала позвонить бабушке и рассказать о своих успехах на экзамене. Что мне ей сказать? Я провалилась, ты была права, встречай на автовокзале в восемь утра? Или... может... немножечко, самую малость приврать и остаться в столице? Ведь не пропаду же, тут столько работы, столько возможностей. Не то, что в нашей N деревне и ближайшем городе.

От горьких дум, не следя за своей осанкой, я шагала по улице в сторону метро. Хотелось спокойно доехать до общаги, еще раз все обдумать, и только потом бежать на почту звонить бабушке.

* * *

– Провалилась? – с неподдельным расстройством спросила Лида, едва глянув на мое лицо.

Я сидела на кухне и пила чай с сушками, периодически вытирая слезы.

– Да, – хлюпнула носом.

Девушка бросилась меня обнимать и успокаивать.

– Не переживай. Просто московские театралы совсем зажавшиеся уже! Не видят настоящего таланта. Ты же знаешь, что даже Фаина Раевская с Ириной Муравьевой поступили далеко не с первого раза?

– Знаю, – нервно хохотнула я, – Где Раевская с Муравьевой и где я? Если уж их завораживали столько раз, то мне вообще не суждено стать актрисой.

– Глупости не говори. Может попробуешь попасть в массовку, а там кто и заметит тебя?

– Посмотрим, я еще не решила, что делать.

Лида прошла к холодильнику, достала кастрюльку с наваристым борщом и потянулась к черпаку.

– Ну, ты погляди! – возмущенно воскликнула соседка, подняв крышку, – Только вчера вечером сварила, а уже почти нет! Какая тварюга сожрала почти пятилитровую кастрюлю супа?

* * *

Под вечер на почте никого не было, поэтому я свободно заняла кабинку с телефоном, и стала дожидаться, пока в трубке появятся гудки.

С третьего дозвона тетя Клава ответила.

– Любонька, – воскликнула она, – Беда у нас случилась.

– Тёть Клава, вас плохо слышно, – громко произнесла я, ничего не разобрав из-за помех в трубке, – Позовете бабушку?

– Лю...б..., приезжай ср...но ...омой. По...ар слу...лся в доме. Баб...ка твоя у...ла.

– Девушка, можно что-то со связью сделать? Ничего не слышно, что говорят! – я высунулась из кабинки, обращаясь к сотруднице почты.

– Это помехи у абонента. Наша связь ни при чем, – безразлично ответила девушка за стеклом.

– Люб... ты слыш...? Приезжай срочно! – прокричала в трубку тетя Клава.

Последнюю ее фразу я хорошо расслышала, поэтому сразу испугалась. Мне стало понятно, что случилось что-то ужасное, иначе бабушкина соседка не стала бы просить меня срочно приехать.

– Тетя Клава, буду дома завтра днем. Выеду утренним рейсом.

– Жд... т...я, – на том конце раздалась гудки.

Трясущимися руками я повесила трубку и на негнущихся ногах вышла с почты. Завтра в семь утра от автовокзала отбывает автобус в мою деревню. Хотя бы с бабушкой все было в порядке!

* * *

С вечера собрала свой чемодан, небрежно покидав в него одежду, и пошла в администрацию общежития. Там мне предстояло с боем вернуть свои пятьдесят рублей за оставшуюся неделю проживания.

Спустя полчаса наматывания нервов на кулак, вахтерша едва не кинула мне в лицо купюры. Ага, как же, я не в том положении, чтобы разбрасываться даже такими суммами. Зная я, как они здесь по червонцу, да складывают к себе в карман на прибавку к пенсии.

На кухне мы с Лидочкой устроили прощальное чаепитие, во время которого успели и погрустить, пустив слезу, и посмеяться, строя наполеоновские планы покорения Москвы. В своих мыслях я больше склонялась к тому, что хотела сюда вернуться в скором времени. Сейчас главное – приехать домой и узнать, что случилось у бабушки.

Ложилась спать я с нарастающим чувством тревоги, которое утром переросло в панику.

В семь утра уже стояла с чемоданом на автовокзале перед стареньким автобусом, что направлялся в мои края.

Родная деревушка встретила меня знакомым запахом скотного двора. Глубоко вдохнув воздух, ко мне пришло чувство «Вот он – дом мой».

От остановки с трассы я шла по размытой дождем дороге. Ноги в туфельках утопали в грязной жиже, а чемодан рисковал вот-вот вывалиться из уставшей руки.

Уже подходя к нашей улочке, я проклинала сельскую жизнь и все ее прелести, скучая по московской брусчатке и асфальту.

Наш дом с бабушкой был предпоследним, поэтому пока я шла вдоль чужих участков, успела заметить, как местные жители и соседи выходят из своих калиток, и следуют за мной.

Со всех сторон доносился тревожный шепот, а кто-то из бабулек крестился, вытирая платком слезы.

Уже издали я почувствовала едва уловимый запах гари. Прибавив шаг, вскоре подбегала к нашему дому.

Увиденная картина заставила меня затрястись от ужаса. Проклятый чемодан вывалился на землю из дрожащих пальцев.

– Где моя бабушка?! – прокричала я, чувствуя нарастающую истерику.

Передо мной было черное пепелище. Наш небольшой домик выгорел дотла, оставив на месте дотлевшие бревна, да упавшую сверху крышу. Даже сарайчики с правой стороны дома были охвачены огнем. От них теперь ничего не осталось.

– Кто-нибудь видел Ефросинью Кузьминичну, мою бабушку? – в панике я обратилась к соседям, что стояли за моей спиной.

Тут со своего участка бодро выбежала тетя Клава. Платок сбился с ее головы, на ногах разные тапочки, передник перекручен...

– Любонька, приехала, – со слезами на глазах старушка протянула ко мне руки, заключая в объятия.

– Бабушка у вас?

– Любушка, – горько заплакала соседка, – Нет больше твоей бабушки, угорела в доме ночью. Как огонь запылал ночью, поздно все увидели зарево. Когда кинулись тушить, уже было не зайти внутрь. Всей улицей тушили, только спустя два часа пожарная машина приехала.

Слова тетя Клавы, как обухом ударили по голове. Мир замер передо мной, а я отказывалась верить в происходящее.

– Где...?

– Милиция приедет, участковый тебе все объяснит. Пойдем, Любочка, я накапаю тебе и себе капелек? – старушка цепко взяла меня за руку и потащила в свой дом.

Кто-то из мужиков позднее принес ей на крыльцо мой забытый чемодан.

* * *

– Вот так вот, Любовь Андреевна.., – мужичок в годах, что работал по нашему округу участковым, сидел потупив взор, – Старая проводка загорелась. Пара минут и весь деревянный дом охватило пламя.

Я сидела в комнате у тети Клавы и беззвучно рыдала, слушая объяснения участкового.

– Ты, Любаша, не плачь. Бабушка была без сознания. Надышалась угарным газом и ничего не чувствовала, – тихо бубнил мужчина.

Не выдержав, я громко завывала.

– Клавдия Леонидовна, неси стакан, – крикнул в сени участковый.

– Бегу, бегу, – запричитала старушка, притаскивая огромную бутылку с мутной жидкостью.

Мне в руки сунули стакан с остропахнущей жижей, который я опрокинула в себя одним залпом. Обжигающая лава прокатилась по моему пищеводу.

С участковым мы договорились, что он поможет решить вопрос с выдачей бабушки и возьмет на себя всю бюрократическую часть.

Тетя Клава будет помогать с похоронами. Она же и предложила мне пока пожить у нее, на что я молча кивнула головой.

После всех пережитых эмоций и нескольких стаканов самогона, моя голова стала, как чугунная. Поэтому, стоило мне только прилечь на кровать, как мое сознание с благодарностью отключилось.

* * *

Я стояла у свежей могилы своей бабушки и хотела лишь одного – броситься вслед за ней.

Тетя Клава старательно меня поддерживала, хотя ей самой нужна была опора и моральная поддержка. Ведь умерла ее подруга, с которой их связывало более сорока лет дружбы. Еще одна бабушкина подруга Анастасия Сафроновна все больше хранила молчание, да тяжело вздыхала, утирая слезы.

Церемония прощания вышла людной. Собралась вся деревня. Соседи несли цветы, конфеты, бутылки с домашними настойками. Поминки решили проводить во дворе дома тети Клавы.

Накрыли небогатый, но сытный стол. Каждый из жителей выказал уважение, произнес пару теплых фраз о Ефросинье Кузьминичне. Женщины приглашали меня пожить у них, пока мужики не возведут на месте пепелища новый дом.

Новый дом? На какие средства я его строить буду? У меня осталось от бабушкиных денег после похорон три сотни рублей, плюс какая-то мелочевка в кармане.

– Девонька, ты аж вся почернела от горя, – прижала меня к себе тетя Клава.

– Вы тоже, тетя Клав. Хотела поблагодарить вас за помощь, – я обвела дрожащей рукой двор, где проводились поминки.

– Прекрати, Любочка. Разве ж мы с Сафроновной могли остаться в стороне? Ефросинья не чужая нам была. Вот сегодня закончим все, а завтра или, как готова будешь, мы и поговорим.

Не бойся, мы тебя не оставим. Жить можешь у меня, сколько захочешь. Захочешь, так насовсем оставайся! Будешь мне радостью на старости лет.

– Посмотрим, тетя Клава. Я пока не готова принимать никакое решение.

* * *

– В среднем, если считать только стройматериалы, то выходит около четырех тысяч, – виновато потирая шею, произнес Савелий.

Мужчина вахтой работает в Москве на стройках, которые сейчас появляются, как грибы после дождя. Он знает что и сколько стоит, поэтому взялся мне подсчитать цену нового дома. Если бы у меня была такая сумма денег, то Савелий с другими мужчинами из деревни помог возвести дом за пару месяцев.

– Да ты, окаанный, никак упился?! – возмутилась тетя Клава, – Вон, Степану с четвертого дома ставили бытовку-пристройку, так всего в две сотни обошлись, а тут четыре тысячи. Да за эти деньги можно новый дом купить, еще и ближе к Москве.

– Ты, Клавдия, зря так говоришь, – укоризненно покачал головой мужчина, – Цены то как выросли на все! Каждый день все дорожает. Вот вчера я в магазине шпроты брал по рубль семьдесят, а сегодня они уже два стоят! А тут мы считаем и доски, и кирпич, и утеплитель с шифером. Не будет же девка зимой в выстуженной хате сидеть, да в тулуп кутаться?

– Так нет таких денег то, Савелий, – огорченно произнесла тетя Клава.

– Ладно, давайте не торопиться, – вмешалась я, – К моменту, когда я накоплю нужную сумму, цена уже все равно будет другая.

– Да, родная моя, где ты их накопишь? В училище пойдешь, так и времени на работу не останется. Будешь весь день с ножницами бегать. С моей пенсии можем откладывать по сто рублей, – голос старушки дрогнул, – Чай за три години и накопим?

– Тетя Клава, не надо ничего, – строго сказала женщине, – Не вздумайте тратить на меня свою пенсию. Я уеду скоро... Поступила в театральный... Стипендию буду получать приличную..., – с тяжелым сердцем соврала я.

Да, уже несколько ночей подряд обдумываю возможные варианты. План, столь подробно расписанный Леной, никак не желал выходить у меня из головы. Я должна попробовать. Здесь в N меня не ждет светлое будущее на тарелочке, да с голубой каёмочкой.

– Батюшки, Любаша, а чего молчала то? – всплеснула руками тетя Клава, – Ну, ты умничка, золотко. Бабушка тобой всегда гордилась! И сейчас она будет тебя всегда оберегать. И когда тебе на учебу надобно ехать, в сентябре?

– Да, – не подумав, подтвердила я, – Ой, ну вообще, заселиться в общежитие института уже можно и сейчас. После девяти дней бабушки как раз и поеду.

– Так девять дней уже завтра, – тяжело вздохнула тетя Клава. Ее можно понять, теперь она останется одна, без любимой подруги и ее внучки.

Глава 4.

1998 год, сентябрь. Ресторан «Рашель».

– Женщина, ну, где вы видите здесь паль китайскую? Отличная вещь. Мейд ин Италия, – раздраженно бросила я покупательнице.

– Так сама посмотри! – женщина на эмоциях потрясла перед моим носом кофточкой, – Швы все кривые, за нитку потяни – вся блуза на куски разъедется. За что вы пятьсот рублей дерёте?

– Так не надо за нитки тянуть! – я огрызнулась, прекрасно понимая, что она права.

– Вот же хамка, – восхитилась покупательница, – Я ей говорю, что эта вещь, как тряпка половая по качеству, а она мне в ответ грубит. Деточка, учись работать с клиентами, иначе без зарплаты останешься.

Перед уходом женщина бросила мне в лицо многострадальную блузку. Пока я, молча успокаивая себя, складывала вещь, из-за шторы подсобного помещения вышел хозяин торговой точки Ашот.

Он с укором посмотрел на меня и махнул рукой:

– Савсэм нэ умеешь работать, да? Сколько раз я тибэ говориь, что к женщин надо подход имать! – мужчина выговорил с жутким акцентом.

Я горестно вздохнула, предчувствуя, как вечером буду покупать в палатке «Союзпечать» еженедельник с вакансиями.

Чуть больше месяца работаю на Черкизовском рынке. Ашот с его подделками, что отшивают в Китае, уже третья торговая точка, куда я перешла, сменив работодателя. Постепенно до меня доходит, что торговля одеждой не мое.

Ну не могу я врать в глаза покупателям и брать за такую дрянь большие деньги. Никакой актерский талант здесь не поможет. Тут нужен особый склад характера, чтобы и умаслить клиента, и приврать, и «втюхать», вцепившись в человека зубами.

Почему-то мне казалась эта работа более легкой и прибыльной. Однако, уже которая покупательница доводит меня до нервного срыва своими скандалами и нападками.

Я же не виновата, что здесь все сплошь из Китая и Турции? Не спорю, есть вещи отличного качества, не отличишь, небось, от оригинала, но мне в руки пока попадался лишь «Shanel» вместо «Chanel» и «Doch Gabana» вместо «Dolce&Gabbana».

– Ты слышишь меня? Завтра можешь не выходить. Пусть мой беременный жина стоит торгуёт. И то больше польза будит, – в сердцах сказал Ашот и скрылся за шторой в подсобке.

Тяжко вздохнув, присела на табурет, думая, как мне быть дальше. В заначке есть еще полторы тысячи рублей, что я заработала за все это время. На первых двух точках бойчее всего шла торговля. Этих денег хватит еще на три месяца экономного проживания.

Когда я с месяц назад вернулась в Москву, то прямо от вокзала с чемоданом в руке поехала сюда на рынок. Было около десяти утра, когда я, решительно насупившись, пошла обходить палатки с вопросом «Вам продавец нужен?».

В первую очередь обращала внимание на те точки, где за прилавком стояли русские женщины. Мне так было спокойнее. Однако очень быстро разочаровалась, получая везде отказы.

Женщины с явным украинским говором подсказывали, что для того, чтобы найти здесь работу, лучше поискать точки, где стоит сам хозяин, или откуда недавно ушла очередная сотрудница. Они же и дали «наводку» на эти павильоны.

Уже в третьем магазинчике Расул любезно принял меня на испытательный срок. Потом был Ахмед и вот сейчас Ашот.

Жаль лишаться рабочего места, но лучше поищу что-нибудь другое. Благо есть крыша над головой. Я снимаю маленькую отдельную комнатку в общежитии рядом с рынком.

В соседях, конечно, сомнительный контингент, но стоит это удовольствие всего двести пятьдесят рублей в месяц. Для меня это стало решающим фактором, особенно после того, как дежурная показала изнутри надежный замок на двери.

Вечером Ашот выдал мне сорок рублей, рассчитавшись за сегодняшний день, и я была свободна на все четыре стороны.

* * *

То, что на нормальную работу где-нибудь в офисе фирмы я не могу рассчитывать без высшего образования, специальных навыков и в силу своего возраста, до меня дошло уже после третьего собеседования.

Выходя из компании, обосновавшейся за железной дверью на первом этаже исторического особняка, я снова достала журнал с вакансиями.

Если не получилось устроиться на должность секретаря, где основные обязанности приноси-подай-возьми трубку, то буду искать другое. Вон официантки требуются, аж на четырех страницах!

Выбрав несколько интересных объявлений, отправилась по ближайшему адресу.

Зайдя с улицы в полуподвальное помещение, я окунулась в темноту и чувственную музыку. Оказывается, место, где требовались «симпатичные девушки от 18 до 23 лет», было небольшим рестораном со сценой для живой музыки и залами под казино.

За столиками не было посетителей, хоть часы и показывали пол пятого дня. Только уборщица одиноко намывала полы посреди зала.

– Добрый день! Я по поводу работы официанткой. К кому могу обратиться?

– А вона, Сергей сидит, он всех девок кастингует, – махнула рукой женщина вглубь зала.

Робко пройдя мимо репетирующих на сцене полуголых девиц, я обратилась к мужчине, что сидел за столом и молча наблюдал за танцем.

– Здравствуйте! Я по поводу работы. Официанткой, – обратилась к светловолосому типу с неприятным лицом.

– Привет. Где работала до этого? – он поднял на меня свои светлые, почти прозрачные глаза.

– На Черкизовском торговала одеждой, – честно ответила я.

Мужчина удивленно приподнял бровь.

– А чего ушла? Там же можно нормально бабок поднимать, – светлоглазый взял пачку сигарет со стола и прикурил, – Садись.

– Не понравились условия работы и оплата, – не моргнув глазом, соврала ему.

Если бы мужчина услышал, что я не хочу торговать и впаривать людям то, что им не нужно, тем более плохого качества, думаю, что он не взял бы меня к себе даже официанткой.

– Не удивительно. Жара, холод, дождь, а ты, как чукча, сидишь в палатке на стуле. Такая работа не подходит красивым девочкам. Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, – мне пришлось округлить цифру в чуть большую сторону.

– Приезжая? – мужчина бросил на меня внимательный взгляд, от которого мне стало не по себе. У него были глаза, как льдинки, не выражающие никаких эмоций. Но все равно было в его облике что-то притягивающее и интригующее.

Да, симпатичный мужчина.

В этот момент на сцене творилась какая-то вакханалия. Четверо красивых девушек, одетых лишь в трусики из тоненьких веревочек, принялись танцевать друг с другом, выполняя отнюдь не двусмысленные движения. Тело каждой из них соблазнительно выгибалось, демонстрируя все, что по идее было прикрыто кусочком ткани. Когда они начали отнюдь не понарошку целоваться, я стыдливо отвела взгляд.

– Не совсем, родилась в Москве, но потом уехала под Рязань к бабушке. Сейчас вернулась, снимаю комнату и ищу работу, – все еще впечатленная увиденной сценой, смущенно сказала.

– И от бабушки ушел... и от дедушки. А тут колобка и сожрала лисица, – его лицо озарило подобие улыбки, – И чего вам, дурочкам, не сидится в родном доме?

– Потому, что в родном доме нет работы с нормальной зарплатой. К тому же, я приехала поступать в ГИТИС, – горделиво вздернула голову.

– Дай угадаю, – лениво протянул мужчина, – Ты провалилась, а ехать домой стыдно? – сказал он и посмотрел, мол «знаю я вас таких».

– Да какое вам дело, поступила я или нет? – рассердилась я, – Вам официантки нужны или как?

– Ишь, ты какая, с гонором... Встань, – внезапно грубо приказал он, – Теперь покрутись. Хочу посмотреть, подойдешь мне или нет.

Я понимала, что официантка – это своеобразное «лицо» заведения, поэтому не особо удивилась такой просьбе.

– Распусти волосы, а то с этой косой, как школьница-малолетка, – мужчина сделал глоток из прозрачного стакана, – Фигурка хороша и ноги длинные.

Пока я крутилась перед ним, обратила внимание, что девушки на сцене сделали паузу и теперь просто сидели, попивая воду и посматривая на нас. Они переговаривались между собой и тихонько посмеивались.

– Работа здесь сложная, по ночам только, – заговорил мужчина, – Народ бывает... разный, но каждому надо улыбаться, помня, что «клиент всегда прав». Никакого воровства, скандалов или интриг с другими девушками, иначе вышвырну в минуту. Работаешь в форме, с макияжем и на каблуках. Поднос хоть сможешь удержать?

– Смогу, – не очень уверенно кивнула головой.

– Зарплата в месяц пятьдесят баксов. Все чаевые, что получишь сверху, твои. Испытательный срок два дня. Накосячишь – вылетишь. Все понятно? – он просто напирал своей энергетикой, пока я заморожено наблюдала за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.